

* * *

Мелодия забытых сновидений
За мной уже не бродит по пятам,
Дождь отрезвел, причудливые тени
На голых ветках пляшут по утрам.

Протяжны завывания метели,
Печальна песнь остывшего костра,
Озябшие волнения взлетели
Как птицы с почерневшего креста.

На всём следы слепого изначально
И радости неукротимый след,
Ликует день, исполненный страданья,
Но мне и в нём привычной роли нет.

Пронизанная солнечной тревогой,
Иду во тьме, влекущей наугад
К такой же безутешно одинокой
Душе, познавшей заповедь наград.

И только ей себя вручив однажды
Дыханье успокоит бездны зов,
И кончится томительный и страшный
Один из самых непробудных снов.

* * *

Шар Земной огромен,
но ты первый, кто
в этом божьем доме
снял с меня пальто,
чай налил горячий,
хладные согрел
руки. О, мой зрячий,
мой земной удел!

Мой палач и лекарь,
жизнь моя и смерть,
в лике человека
быть тебе и впредь.
От какого пыла
мне не ведо... Ве!
Ведомо — заныло
сердце по траве,

по морю, по суше,
по людской среде,
о земном, о муже,
о земной беде
плачется бесслѣзно,
стынет в чашке чай.
За окном — морозно.
Здравствуй!
И... прощай!

* * *

Любимый мой, печаль теряет слух,
Уплыл наш час... Кладбищенские метры
Разъединили нас. Костѣр потух.
Мы в разных снах, но мы с тобой бессмертны.

Душа моя твою любовь хранит,
А долететь к тебе мой плач не в силах!
Закон небесный строг — могильных плит
Не счесть уже... А сколько голосила

Я — чтобы жил! со мной! и — без меня!
Чтоб счастлив был всегда любимый мною!
Увы, увы... Воздушная земля
В который раз разводит нас с тобою...

Эдем разграблен. Трещины зеркал
Рай ввергли в ад. Утех любовных ложе
Давно остыло. Новый век настал.
Но память день и ночь меня тревожит.

* * *

Век ушел, оставив дверь открытой.
Сам того не зная, тает воск.
Как луна, привычную орбитой
Пролетают свечи и погост.

Тесен храм в своём величье ложном,
А до той церквушки за рекой
Добегу когда-нибудь возможно,
Самой неожиданной строкой.

Но иссякли силы для замаха,
И сгорело тайное в огне...
Жизнь моя! Без паники и страха
Я в тебе тону? Иль ты — во мне?

* * *

Зимнее солнце в память ворвалось,
Сон рассекая снежным лучом...
Сколько ушедших, а сколько осталось
Дней и ночей, не умытых дождём
Чувств, без которых брэнное тело
Самый нелепый по тяжести груз!
Если б душа моя вовсе не пела,
Знали бы губы бессмертия вкус?

* * *

Поплачь, душа моя, поплачь,
Как плачут маленькие дети —
Ты не судья и не палач,
И не за все дела на свете
В ответе ты перед Собой,
Пред Господом и пред Народом.
Поплачь, душа. И снова пой.
О чём — неважно. С Новым Годом
Поздравишь завтра ты себя,
И будет ёлка серебриться.
А ты, рыдая и любя
Мир этот грешный, снова в Ниццу
Вернёшься из России злой,
Любимой, нищей и проклятой.
Лазурный обретя покой,
Забудешь пять гробов и мятый,
Осенний запах духоты,
И кровь невинную у храма,
И троицы святой следы,
Ведущие не вкривь, а прямо.
Спаситель твой и божья мать
Глядят на мир из... Человека.
Поплачь, душа моя, поплачь!
Самоубивица и — Лекарь.

* * *

Когдаходишь в свой мир — добываешь не всходы, а зёрна.
Можешь сеять и жать, из муки печь хлеба и слова,
Урожай твой велик! Ты — соавтор, ты лепишь упорно
Океаны, моря, небеса, облака, острова...

Лепишь новые солнца, планеты взрывая без страха,
Лепишь новых земель и религий основы свои,
И растут этажи, воскресают мелодии Баха,
Сказки русского леса ликующий Штраус творит.

Золотые века, словно люди, сойдясь в хороводы,
Рукоплещут просторам, летящим стремглав за тобой...
Свет и Тьма, взявшись за руки, дети извечной свободы,
Держат мост над рекою с живою и мёртвой водой.

Мы стоим у окна. До распахнутых настежь вселенных
Вдох один. Только вдох до загадочной музыки звёзд...
Ты шагнул. Я шагну. Кто-то третий шагнёт из нетленных
И аккорды шагнут вслед за нами потоками слёз.

* * *

И снова распятая радость
(Тобою!), рыдая, скулит...
И вновь торжествует усталость,
И душит поэзию быт.
И вновь ни о чём разговоры
Свирепствуют в лютый мороз,
И снова постылые ссоры,
И снова в душе моей конц...
Концлагерь! Овчарки, зверея,
Всё ближе и ближе... А ток,
Колючую проволоку греет...
(Какой тебе с этого прок?)
Какого ты хочешь вниманья?
Какую прикажешь любовь
Дарить тебе, если касанье
(Твоё!) леденит мою кровь?
О, сколько ещё эту пытку
Терпеть мне, всевидящий Бог?
Да, я совершила ошибку.
Но я рассчиталась за вдох,
За выдох (с тобой!) рассчиталась,
За боль, за любимую плеть...
Довольно. Полжизни — не малость.
Не трогай меня, круговерть!

* * *

Размыты границы меж «было» и «будет»,
Сценарий, как дуло, застыл у виска.
Реальности мира никто не остудит —
Превратности мига на вечных весах.

Безвременье цвета молодого бессмертья,
Что «было», что «будет» — не всё ли равно?
Жестокость — родная сестра лихолетья,
В России она распахнула окно.

Не всё ли равно — во спасение? в гибель?
Не всё ли равно? Страшен равенства знак!
Они у руля, или правит кто ими,
Не всё ли равно, дорогой мой Аршак?

Ты пишешь в Париже о жизни российской,
А кто-то в России французское пьёт
Вино из «Ашана», коньяк или виски...
Тот — мёртв, но и этот навряд ли живёт.

Размыты границы, и детское племя
Стирает из прошлого памяти дым,
Но будущий голос грядущее семя
Вселяет в утробы — урок молодым.

Всё то же, всё те же... Обличья иные,
Но суть не меняет старик-сценарист.
И вновь — пустота... И бочонки пивные.
Пустые бочонки. И — пьяный солист...

* * *

Мой удел — хоронить нерождённых,
Целовать и крестить мертвецов,
Проклиная, любить прокаженных
И прощать безнадежных слепцов.

Возвеличенной лжи подаянье
Не приму и в смертельной тоске.
Мой удел — обретать расстоянье
От безумства, чей дом на песке,

До заоблачной тверди, плывущей
Выше слабостей духа и зла,
Чтоб сказать: «О, Господь всемогущий!
Я безропотно крест донесла».